

ILYA REPIN - PORTRAIT OF MRS BEATRICE LEVI

Bukowskis

ILYA REPIN - PORTRAIT OF MRS BEATRICE LEVI

ILYA REPIN "PORTRAIT OF MRS BEATRICE LEVI" FOR SALE AT BUKOWSKIS, 6TH DECEMBER 2011

FOR INFORMATION PLEASE CONTACT:

ANNA-KARIN PUSIC, PHONE: +46 (0)8 614 08 32, E-MAIL: ANNA-KARIN.PUSIC@BUKOWSKIS.COM

DR ELENA BASNER, PHONE: +358 45 124 66 89 (FINLAND), E-MAIL: LENA.BASNER@GMAIL.COM,
ELENA.BASNER@BUKOWSKIS.COM

LISA GARTZ, PHONE: +46 (0)8 614 08 59, E-MAIL: LISA.GARTZ@BUKOWSKIS.COM

BUKOWSKIS. ARSENALSGATAN 4, SE-111 87 STOCKHOLM, SWEDEN. + 46 (0)8 614 08 00.

WWW.BUKOWSKIS.COM

ИЛЬЯ РЕПИН «ПОРТРЕТ Г-ЖИ БЕАТРИС ЛЕВИ» ВЫСТАВЛЯЕТСЯ НА ТОРГИ АУКЦИОННЫМ ДОМОМ BUKOWSKIS 6 ДЕКАБРЯ 2011 Г.

ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАЩАЙТЕСЬ:

АННА-КАРИН ПУСИЧ, ТЕЛ. +46 (0)8 614 08 32, E-MAIL: ANNA-KARIN.PUSIC@BUKOWSKIS.COM

Д-Р ЕЛЕНА БАСНЕР, ТЕЛ. +35 8 45 124 66 89 (ФИНЛЯНДИЯ), E-MAIL: ELENA.BASNER@BUKOWSKIS.COM

ЛИЗА ГАРТЦ, ТЕЛ. +46 (0)8 614 08 59

E-MAIL: LISA.GARTZ@BUKOWSKIS.COM, BUKOWSKIS. ARSENALSGATAN 4, SE-111 87 СТОКГОЛЬМ, ШВЕЦИЯ.

+ 46 (0)8 614 08 00. WWW.BUKOWSKIS.COM

NUMBER / 150

LIST OF CONTENT

"SLENDER MUSE IN WHITE" - "PORTRAIT OF BEATRICE LEVY" BY ILJA REPIN - ENGLISH VERSION

- LEVY THE FAMILY FRIEND, WRITES A PLAY ABOUT THE ARTIST REPIN
- BECOMING "REPIN'S APPRENTICE"
- THE FIRST MEETING WITH ILJA REPIN
- REPIN VISITING THE LEVY FAMILY AND MEETS BEATRICE FOR THE FIRST TIME
- THE "REPIN CANVAS" AND THE LINOLEUM
- THE MONUMENTAL AND GRANDEUR BACKGROUND IN THE PORTRAIT
- REPIN DOES NOT WANT TO PART FROM THE PORTRAIT
- REPIN URGES LEVY TO FINALLY SELL THE PORTRAIT

«СТРОЙНАЯ МУЗА В БЕЛОМ». ПОРТРЕТ БЕАТРИС ЛЕВИ КИСТИ ИЛЬИ РЕПИНА

25

ILYA REPIN

PORTRAIT OF MRS BEATRICE LEVI

Signed Ilya Repin and dated 1918. Canvas 80 x 66 cm.

Provenance: Vasili Levi, St:Petersburg
(aquired directly from the artist c. 1919).

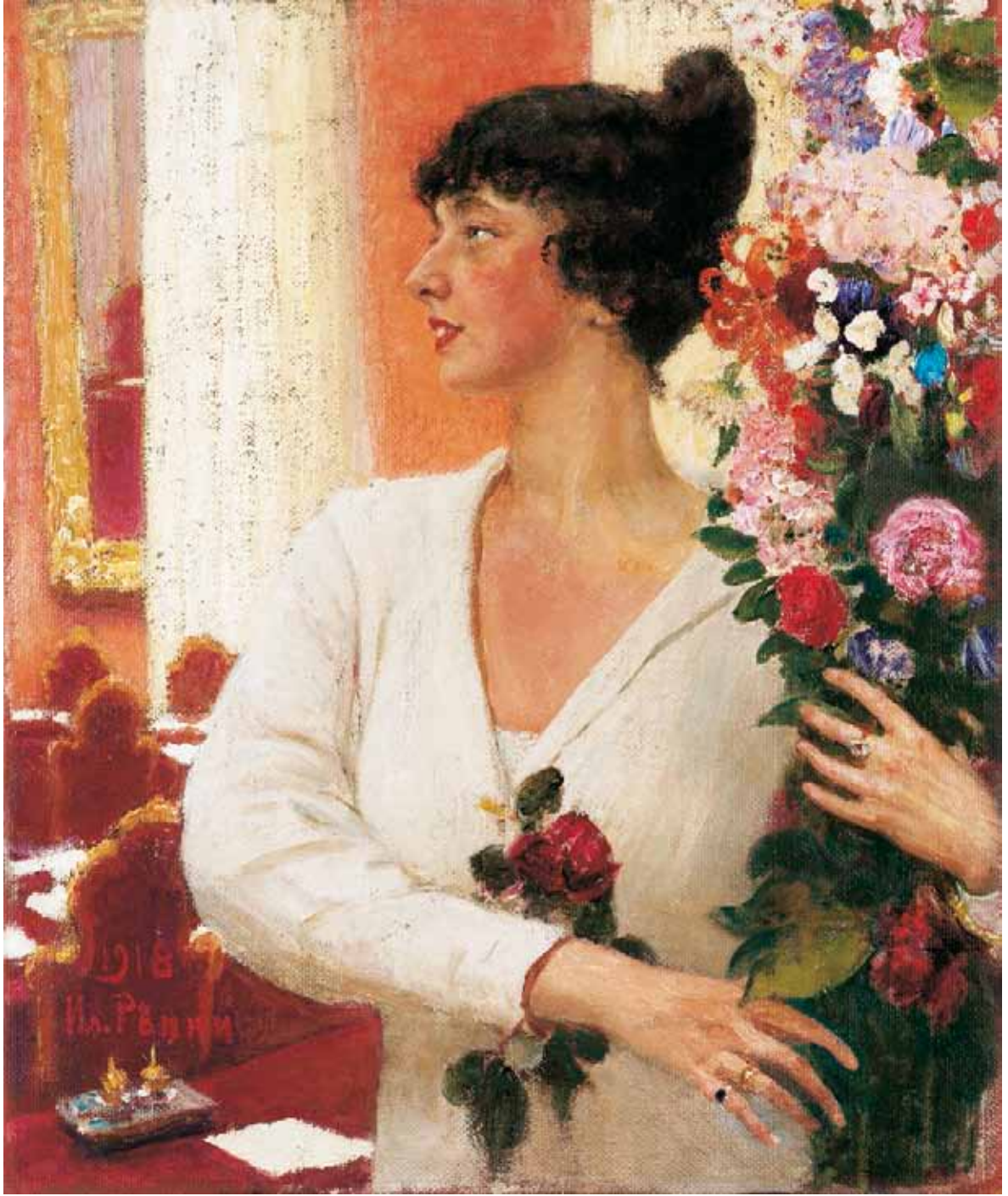
Erik and Selma Minnberg, Berga Säteri,
Ununge, Roslagen, Sweden (aquired from
Vasili Levi c. 1920).

Inherited 1986 by Ingrid Sergenius
(born Minnberg), Stockholm.

Inherited 2001 by Jan Sergenius, Stockholm.

Literature: Igor Grabar and Ilya Zilberstein,
"Repin. Artistic Heritage", Moscow, Leningrad, 1948,
with picture page 310 (ill.)

€ 526.350-736.850 / SEK 5.000.000-7.000.000

Beatrice Levi, Petrograd, 1910.
Беатрис Леви, Петроград, 1910 г.

“SLENDER MUSE IN WHITE”. “PORTRAIT OF BEATRICE LEVI” BY ILYA REPIN

This painting by Ilya E. Repin, the “Portrait of Beatrice Levi”, is a unique work of Repin that has never been exhibited, displayed, or been out on the market before. It has only been shown as a black and white photo in a basic monograph devoted to Repin (“Repin. Artistic Heritage” M., L., 1948).

The portrait is a triumphant romantic celebration to life itself and could be considered as one of the most beautiful portraits made by Repin.

In preparation for this publication a vast material has been discovered, for example photos, letters manuscripts etc, from Repin and Vasili Levi (husband of the sitter), not previously known to museums or art historians .

It has shown to be a historic and art historic treasure in the description of the period after the Russian revolution of Ilya Repin's life and day to day problems, as well as his philosophy of art and painting in his own explicit words.

Repin became unconditionally recognized as a master of portrait since his very first performances within the genre. It is by the means of portrait painting that he realized his numerous artistic traits: insightfulness and sensibility, power of observation and excitement, genuine deep psychologism and volcanic, explosive temperament.

Repin was fond of the portrait genre throughout his whole life. His last works reflect both the antagonisms and bewilderment of the epoch that was falling apart in front of his eyes, as well as his own inner struggles.

The “Portrait of Beatrice Levi” created in the summer 1918 is a magnificent example of Repin's artistic genius and skill that were neither influenced by his aging nor by the tragic transformations of the surrounding world.

Image from the book where the painting is depicted.
Иллюстрация из книги “Картина”

I. Grabar, I. Zilberstein red., “Repin. Artistic Heritage” (Moscow, Leningrad, 1948).
Название книги

The family Repin in Penaty about 1918.

Семья Репиных в Пенатах, ок. 1918 г.

A hint of regret is almost always present in the descriptions of the last years of great artists.

It is regret for the energy loss, the diminishing of creative thought, the lack of former artistic power. Both the contemporaries and descending generations of art historians demonstrate this attitude. Repin's art from the later period is much more complicated than any predefined scheme though.

Any cliché statements regarding this period as the time of Repin's creativity crisis are lacking support. It becomes particularly obvious when one assesses the scope and extent of Ilya Repin's performance and productivity at that time: the artist's self-sacrificing hard day-to-day work brought the most amazing and brilliant results.

Implementation of the creative tasks he took on required complete commitment, increased focus and enormous discipline of excellence.

The researchers of Repin's work sometimes have an impression that between the years 1910-1920 and even later the artist attempted to catch up with what he felt had been lost, wasted, unaccomplished.

He seemed trying to grasp everything that he previously had furiously denied and irreconcilably fought against.

As we shall see later, the "Portrait of Beatrice Levi" is an outstanding example of the artistic principles and stylistics, the expressiveness and appeal, of which were revealed to Repin only during the last years of his life.

The special atmosphere that Repin built up and managed to keep alive among the circle of friends and fellows despite of everyday troubles and turmoil also contributed in many ways to that renewal of creativity, passion and truly youthful enthusiasm which are perceivable in the "Portrait of Beatrice Levi."

The life pattern prevailing at Repin's country place "Penaty" ("The Penates") in a small Finnish village Kuokkala was maintained not only by the artist himself but also by the numerous dwellers, guests and frequenters. (In honour to one of Russia's greatest artists it was renamed 1948 as "Repino")

This lifestyle fully stimulated the inner creative hunger, and at times even discontent, along with the demand for an inexhaustible feverish activity experienced by the artist.

On the one hand, Repin succeeded to create his own world in "Penaty", preserving the intrinsic creative spirit, where the talent, the vividness and charm of personality, the artistry were mostly appreciated.

The atmosphere of the estate continued to remain unchanged even after the historical events of 1917 (the October Revolution, the beginning of the Civil War). "Penaty" turned out to be isolated from the big-city world of St. Petersburg and became a kind of the old culture retreat.

The mere existence of such a "shelter" for writers, artists, musicians symbolized a constant resistance to the surrounding reality, where the common unsettledness, devastation, irrevocable loss of traditional values, economic insecurity were becoming more clear and rough with every day that passed.

On the other hand, during those post-revolution years Repin had to take care of his family – his daughters, son and grandchildren, who were still unable to live on their own, still dependent on the inviolable reputation of their father and his grand name.

Neither Ilya Repin's family life nor everyday routines were idyllic, and many of the closest ones realized that. In fact they were often on the brink of starvation and poverty.

LEVI THE FAMILY FRIEND, WRITES A PLAY ABOUT THE ARTIST REPIN

Vasili Filippovich Levi (1878-1954) was among those who knew and understood Repin very well. He was aware of Repin's significance for the national art as well as the complexity of life circumstances where the aging artist bound by the responsibility for his loved ones found himself.

During the latest years of his life Vasili Levi wrote a play where the central figures were Repin (under the name of Efim Grigorjevich Gromov) and his relatives, as well as his apprentice Valentin Serov, the famous critic Stasov and the general Dragomilov (these characters appear in the play under their real names). Levi depicted himself as "the former lawyer and collector, promoter and Gromov's friend at exhibitions" named Kogan.

Without trying to review the play (written in the best traditions of Russian playwriting) we shall note that Levi's description of the atmosphere at Repin's home (named "Atrium" in the play) was quite convincing and realistic.

Repin-Gromov is temperamental and flamboyant; he expresses both admiration and anger with equal passion, which is consistent with the artist's characteristics.

"Autumn Bunch". Portrait of Vera Ilyinichna Repina, the artists daughter.

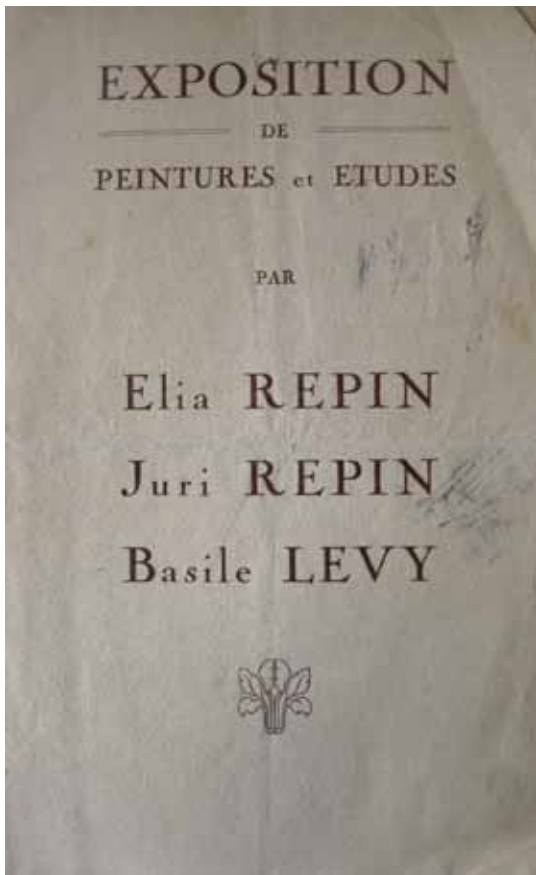
"Осенний букет». Портрет Веры Ильиничны Репиной, дочери художника

His daughter Tata (Vera) is moody, exalted and spoiled. The son Sasha (Yurij) appears as a broken, decadent person being close to idiocy; the character is portrayed with both irony and grotesque, and in the end, unexpectedly, with the genuine compassion to that talented, but sickish and worthless creature.

In the very end of the 4th act (the 5th act is already taking place at Gromov's grave) the artist pronounces the bitter words of disillusionment with the closest circle:

"GROMOV (Repin) /TO KOGAN/: Did you see that? That's where my bankruptcy comes from. And you keep telling me about my "legacy". Of course, the art and desires of passion are to a great comfort. But the small things in life, like family and not least biology are, too, making their own claims. Neglecting them avenges you in the end".¹

1. Here and further, all the quotations made from the sources preserved by the grandson to V. F. and B. F. Levi. The sources have then been handed over to the portrait's current owner.

Exhibition Catalogue.

Каталог выставки

It seems that also in reality Vasili Levi had to bend an ear to Repin's sorrowful confessions.

Being a thoughtful conversation partner as well as a witness to Repin's everyday worries and concerns, Vasili Levi left us his memoirs that have been preserved until our days.

What is more important, Levi was able to distinguish an oddish, sometimes eccentric, old man not always acting fairly towards his friends and family, from the monumental figure, one of the titans of the Russian realistic art school.

BECOMING "REPIN'S APPRENTICE"

Interesting is how he described his relations to the great master. For instance, Levi recounts how he intended to demolish the newspapers' rumors calling him for Repin's apprentice – the honorable title he believed he did not deserve. Besides, Levi had never taken painting or drawing classes by Repin.

As Levi recalled in his memoirs, "when Repin learned about my intentions, he seemed to have taken offence at me.

- So, you do not like being called my apprentice? – asked Ilya Efimovich.

- Not that I don't like it, but I did not deserve such honor.

- Well, let them call you this way. Apprentice is not the one who takes classes, but the one who breathes the same air and shares thoughts with the more experienced artist.

That was how I remained "Repin's apprentice". After seeing our names next to each other in the press, the ignorant audience/.../ sometimes even called me "Repin", sometimes "Repin-Levi". Indeed, as the Latin proverb puts it, "even the gods are helpless in the face of ignorance".

And still I learned a lot of things from Repin, mostly the philosophy of art. Philosophy is inherent to art in the same way as it is inherent to every other area of human activity. I also learned life philosophy and wisdom, as well as some painting skills."

Vasili Levi confessed that he worshiped Repin since he was young and even before he made his acquaintance. He admired not only Repin's artistic genius, which was unquestionable, but also political views of the artist, who defended justice, honor and human dignity.

They first met in the spring 1918 when Levi's family finally settled down in the town of Terijoki (today Zelenogorsk) after having endured the dramatic Revolution days at their summer place in Finland. It was not far from Repin's Kuokkala, but Levi neither knew where Repin lived nor if he was still alive! Besides, by that time there were rumors that Repin had starved to death, and the "news" was even published in a German dictionary... Levi writes:

"Ah, I felt so devastated!

I lost my courage at once. But then someone laughed at those German stories and assured me that he himself had recently talked to Repin's son Yurij and that Repin is alive but never leaves "Penaty".

THE FIRST MEETING WITH ILYA REPIN

Then I decided to go to Kuokkala immediately to visit Repin. I had no idea of where he lived and could not get any directions. Still, one beautiful morning I told my wife that:

"I'm going to Repin". - But where to? - Don't know myself. Somewhere to Kuokkala where I have never been. Well, we'll see how it goes.

And I left taking only a couple of sketches with me; the one representing my father-in-law's head which I paint-

ed in lamplight on Christmas and “Roses” – my first work painted from nature, “in a serious manner”, as a birthday gift for my wife in 1917.”

Vasili Levi described most thoroughly the wonderful spring day when he “merrily and cheerfully walked through the fields and gardens, along the streets and over the glades, jumping over the fences and ditches along Kuokkala’s desert roads, passing the half-ruined and plundered summer cottages, not bothered by the ugliness of surrounding desolation, feeling only the spring, listening to the chant of birds and whispering of trees and enjoying the stunning views rising in front of him one after another”.

During all his life his memory carefully preserved the smallest details of his first visit to Repin: the wonderful richly painted gate decorated with the word “Penates” made of colorful plaques, the porch of blended Russian style with the inscription “Announce your arrival by striking the gong”, the gong itself which he obediently stroke, and the national outfit of a Finnish maiden who opened the door.

A large unkept garden with wooden buildings and a pond beside the main house stuck to his memory. “Everything spoke of the exuberant life, fantasy and sense of beauty reigning here in the past”, remembered Levi. And he could not help but admit the dreamy mood that swept over him, and also the park, the house and the whole “Penaty” were steeped in it:

“They reminded me of the scenery from “The Sleeping Beauty”.

At last, writes Levi, “I was brought to a well heated chamber with a low ceiling... There stood a piano by the wall. A shortish, cheerful, spry, meager old man with silver picturesque hair and silver ungrumbled beard gave me a warm welcome.

That was Ilya Repin himself, who had been fascinating me since I was a child. He wore a strange suit: a uniform from the Alexander I times with a high stand-up collar embroidered with galloons and with medals on it.

I was startled. What a freak! Later I learned that the uniform was a stage accessory for the painting “Alexander Sergeyevich Pushkin recites his poem before Gavrila Derzhavin during the Tsarskoye Selo Lyceum exam on January 8th, 1815” and was aimed at Derzhavin.

Repin was wearing it out during those hard times along with other pieces from his large accessories collection.

Since the very first moments Repin completely charmed his new acquaintance, mostly by his sincere interest to

The gate of Penaty.
Ворота в Пенатах

The house of Penaty.
Дом в Пенатах

“Alexander Sergeyebich Pushkin recites his poem in front of Gavrila Derzhavin during the Tsarskoye Selo Lyceum exam on January 8th, 1815”.

«Александр Сергеевич Пушкин читает свою поэму перед Гавриилом Державиным на лицейском экзамене в Царском Селе 8 января 1815 года»

Beatrice with her daughter Nina and nursemaid.
 Беатрис с дочерью Ниной и няней

Levi's artworks. He asked detailed questions about the model, the light, how many sittings it took to make the sketch, etc. Right away the guest was invited to lunch and afternoon tea.

"The meal consisted of watery tea and flavorless, badly baked buns. As it turned out, there were no supplies to economize with. As I got to know later, there was almost no money left in the household since the borders were closed. Still, food and tea had never tasted better for me".

REPIN VISITING THE LEVI FAMILY AND MEETS BEATRICE FOR FIRST TIME

Soon Repin returned the visit to Vasili and Beatrice Levi. "He came quite soon and unexpectedly", recalls Levi. "It was such a joy when the children came running from the garden and announced his arrival, and then Repin's mea-

ger figure wearing a pelerine coat and a big black hat appeared on the alley of our chaotic overgrown garden. Ilya Efimovich showed up exactly for lunch, and compared to the poor food at Kuokkala out simple meal must have been as Lucullian feast for him.

- Such a tastiness, and such a hostess! - praised Repin Beatrice."

The culinary talents of Beatrice Fjodorovna Levi frequently served as one of the key themes of their future conversations. Supposedly, Repin was utterly pleased to socialize with a trouble-free and relatively wealthy family (for being at those hard and miserable times).

Vasili Levi, on the other hand, experienced a pure delight on that first evening spent in the company of the artist, who had been his ideal for so many years.

But, as he wrote later, "I could not imagine then what great effect this visit would have, not only on my life and professional career, but on my whole mind and spiritual world... Repin's visit was brief that time.

He wished to leave for the train station by foot and in good time, and we were sitting on the platform watching the sunset and talking for quite some time while waiting for the train. The ease of our conversation (like we were equal, common men) sent out some special warmth.

While saying goodbye after repeated urgings to come to visit sooner and more often I felt as if I met a friend for the first time in my life, a friend who is sincere, selfless, wise, whom you could talk to in any way you can and about everything; a friend that, forgive my honesty, even my own father could not have become. This last conclusion I made later on.

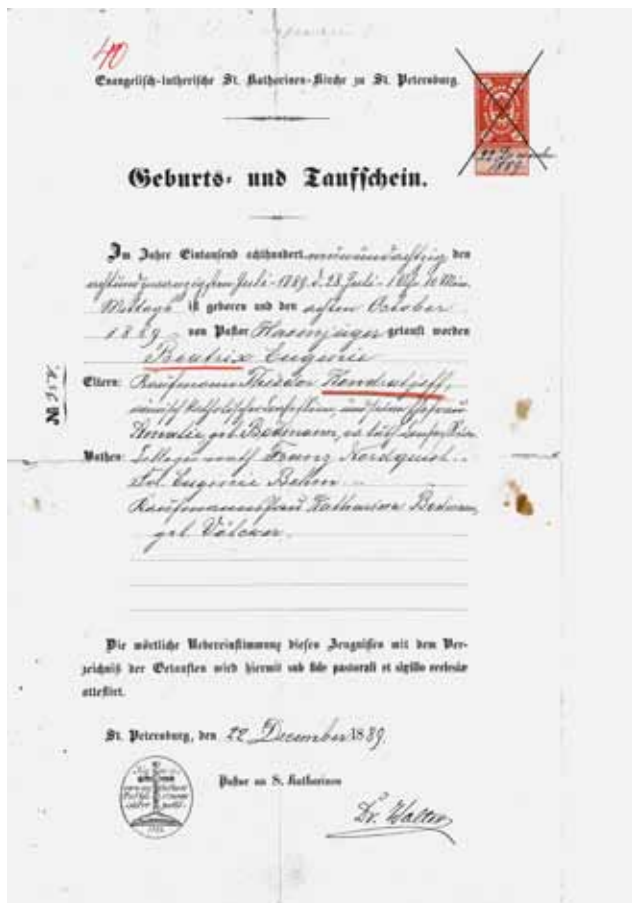
THE GREAT MASTER SUGGESTS TO PAINT BEATRICE LEVI

The memory of our waiting at the station is still alive with me as a memory of the first-born friendship with a great man."

That was the beginning of their close relationship which lasted for eleven years.

From the very start Levi was shocked to see how lonely and helpless the great master really was, and that he practically possessed no funds. "Soon after meeting Repin in 1918 I found out that he truly was in need", wrote Levi in his memoirs.

"I felt very flattered when he freely and easily told me about his situation and asked to borrow a small sum of money, around 200 marks, I believe. From now on, me and my wife offered him loans by ourselves. When

Nina and Nathalie at the beach in Terijoki.

Нина и Натали на пляже в Териоки

Birth certificate for Beatrice Levi.

Свидетельство о рождении

the debt reached 1000 marks (about 1000 rubles or 143 dollars at that time) Ilya Efimovich suggested painting a portrait of my wife in order to pay the debt.

He could not make me more happy. That would have been the first painting by Repin in my collection which I had left behind in Russia.

The expense seemed a trivial one to me, since I still had considerable savings in pounds and dollars. The portrait's price, not yet discussed, did not frighten me, partly because I knew Repin was not greedy for gain. He used to set moderate and even understated prices to the customers whom he regarded as interesting models.

The day when Repin in writing invited my wife for the first sitting was the day of my big triumph. "The throne-scaffold is already waiting for you", wrote Repin jokingly to my wife in the letter full of compliments."

It often happens that in a portrait painting both an artist and his model contribute to the creation of an out-

standing piece of work. Usually it occurs when the artist is portraying a remarkable, extraordinary person and/or someone who means a lot to him. Perhaps, this time the case was somewhat different.

The one who was most enthusiastic about "The Portrait of Beatrice Levi" was her husband Vasili Filippovich, Repin's passionate and devoted admirer.

Beatrice Fjodorovna herself, whom her husband called for "a lovely grown-up kid" (11 years younger than her husband, although she turned 31 in 1918), was too busy taking care of the household and the children.

It was not a coincidence that their home in Terijoki, as Levi himself recalled, "was imperturbably calm, as if nothing had happened... That surrounding peacefulness somehow passed on to me", writes Levi.

"Food supplies soon became abundant. The beautiful home which I designed and built myself was buried in verdure, the sea was roaring nearby, the children were following their normal school routines, and once in a

week we were visited by a whole crowd of emigrant kids and the performing actor Schmakov was training them in rhythmical dancing of Dalcroze.²

No one would have believed that the revolution's volcano was exploding only twenty kilometers away."

Repin was apparently inspired by both the opportunity to portrait a young attractive lady and the friendship with the Levi family; another possible reason was economical.

Besides, the interaction with a beginner artist whose admiration and even adoration that Repin must have noticed but whose art preferences undoubtedly belonged to the new age should have aroused a sort of competitive impetus in him, a willingness to prove that he, too, masters the stylistics of modernism with its concepts of color, lines and spatial solutions.

Probably that was the reason why Repin felt he had so big problems with this portrait in trying to apply the new pioneering pictorial principles in the "Portrait of Beatrice Levi".

It represents a new style of Repin and makes this portrait outstanding in Repin's production.

According to her husband, Beatrice Fjodorovna, on the other hand, "found the sittings burdensome, because Repin became very nervous when he failed and tended to forget that the woman in front of him was a simple family mother, far from the artist's anxiety and torments.

She came to better understand those feelings later on, when I, her husband, myself became a professional artist", added Levi. Beatrice Fjodorovna was complaining that Repin "forgot that she was an alive person, and forced her to stand motionlessly keeping the flowers without any support, he stamped his feet and shouted at her when being unsuccessful, and laying all the blame on her".

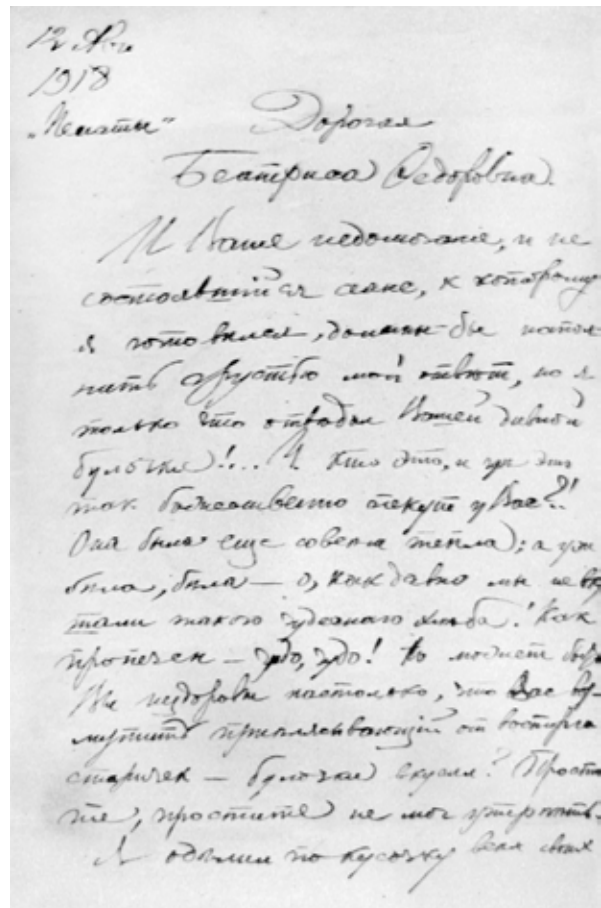
Once, after Beatrice Fjodorovna had missed a sitting pleading illness, Repin sent her a humorous letter which lively depicts their relationship.

"12 August/ 1918 "Penaty"

Dear Beatrice Fjodorovna,

Both your malady and you missing the sitting which I was prepared to, would have filled my letter with sadness, unless I tasted your marvelous bun! Who and where do they make such divine baking?! It was still

2. Émile Jaques-Dalcroze (July 6, 1865 - July 1, 1950), was a Swiss composer, musician and music educator who developed eurythmics, a method of learning and experiencing music through movement.

Letter from Repin to Beatrice, 1918

Письмо Репина к Беатрис, 1918 г

warm, and it was, was - oh, it's been such a long time since we ate the bread so delicious! How thoroughly it was baked - miracle, miracle!

But maybe you are so unwell that an old man dancing of delight just because he tasted a bun would annoy you? Forgive me, please, forgive me, I could not keep myself.

I shared the bun with every hungry mouth here. /.../

Do not have time at my disposal until Monday. Consequently the 20th of August will wait for you again sitting by the samovar in the light pavilion and keeping my eyes on the alley where the slender muse in white wearing emerald green cape used to appear."

It was assumed that Vasili Levi would also attend the first sittings but due to the illness that forced him to go to Petrograd to the Elisabeth hospital, it didn't happen (certain people were still allowed to cross the border in case of emergency).

Vasili Levi's absence made it possible for Repin to fully live out his Love for the object, his feeling for her, as a young woman in the outmost fragrance of her life.

Repin was known to fall in love with his objects especially the younger female ones, and this shines through in this portrait, it feels that it is painted by someone who is in love with her.

When Vasili Levi came back to Terijoki he described with a great enthusiasm his first visit to Repin since the recovery and his impression from the still unfinished portrait.

"Repin greeted me heartily as always and took me to the dining room where the portrait of my wife on canvas (or, to be more exact, linoleum) stood on top of a bookstand. Only the face was finished, standing out as a relief towards the red background of the linoleum's reverse side. I was delighted by the portrait.

There were the resemblance, the "bodyness", and, most importantly, the exceptionally vivid colors, the sculpturesque modeling, and a lot of movement in the turn of the head."

THE "REPIN CANVAS" AND THE LINOLIUM

The reason why the portrait was painted on a piece of linoleum we know not only from Levi but also from Repin himself. On several occasions Levi consulted with Repin regarding the choice of paints and varnish usage.

One day they were talking about canvas, and Levi mentioned that he once bought a special "repin's canvas" in a specialized store on Vasiljevskij Island in St. Petersburg.

Repin's reply is worth quoting, since it has a direct reference to the creation of "The Portrait of Beatrice Levi". "Oh! I have almost never used this canvas. Just what they think they've made up out there, "repin's canvas". Does it really matter what you are painting on! After the second or third trial and even after the first strong paint layer the canvas disappears and is of no importance anymore.

Look, I have been painting on linoleum since the war-time. Wonderful and durable material. Just think, it lies on the floor for years, people walk on it, and it lasts."

Repin was hardly completely honest when he insisted on the advantage of linoleum as a base for a painting. As a matter of fact, at that time he had to use affordable materials.

Nevertheless, by the time "The Portrait of Beatrice Levi" was finished the work "Deserter" (1917, Vitebsk Art Museum) had been already painted by Repin on a piece of linoleum, followed by "Hopak"³ in 1927. The

3. Hopak is a name for Ukrainian folk dance.

The painting at the back, linoleum
Задняя часть картины, линолеум

same pattern of linoleum that appears on the backside of the painting can also be found on other paintings by Repin.

However, there is no doubt that the saturated reddish-brown color of linoleum's reverse side, on which "The Portrait of Beatrice Levi" was painted, served as one of the elements of the portrait's stylistic and coloristic image.

THE MONUMENTAL AND GRANDEUR BACKGROUND IN THE PORTRAIT

Probably it was this bright prevailing tone that gave Repin the brilliant idea to use as a background his own large-scale study for the famous painting "Formal Session of the State Council on May 7, 1901, in honor of the 100th Anniversary of Its Founding", which Repin worked on together with his apprentices between 1901 and 1903.

The portrait's space immediately acquired the true monumentality and grandeur, accentuating the delicate beauty of the young and charming woman. Repin combines a representative portrait entourage (here reproduced only indirectly, as a "quote") with the utterly vital, ingenious image of the model.

"Formal Session of the State Council on May 7, 1901, in honour of the 100th Anniversary of its founding", by Ilya Repin

"Торжественное заседание Государственного Совета в день его столетнего юбилея", картина работы Ильи Репина

"Repin's home interior at Penaty" with the "Formal Session of the State Council..." in the back.

Интерьер дома Репина в Пенатах с эскизом «Торжественного заседания Государственного Совета...» на заднем плане

The woman with a shiny memorable appearance full of vitality and some inner happiness swiftly turned her profile to the spectator. It's not without reason that the profile angle has always been considered the most expressive, most communicative and memorable.

Her whole posture, emphasized by the rhythm of white pillars, the majestic position of her head, the lively, open facial expression contains something impulsive, life-asserting and victorious!

The glittery eyes and adorable smile draw observer's attention even before he or she recognizes the quite familiar elements of the background (The State Council room at the Mariinsky Palace!) as well as the massive garland with natural flowers which the woman holds up with her both hands.

The bright purple flower on her white dress is matching the garland made both of roses and tiger lilies as well as the festive upholstery of palace chairs' and draperies.

Repin managed to create a surprisingly cheerful, joyous image which is even more impressive if we look at the date written down beneath to the left: 1918.

The portrait sounds like a symbol of beauty and femininity triumphing over the terrible disruptions of the surrounding world swept by a fratricidal war!

Work with the portrait continued during the whole summer 1918, and continued during several months.

In one of his letters to Vasili Levi Repin confessed: "This work turned out to be very laborious - I spent almost all the summer on it. More importantly, one must reckon my late years..."

REPIN DOES NOT WANT TO PART FROM THE PORTRAIT

Moreover, after reading Repin's letter one can conclude that he parted with the portrait unwillingly and even offered Levi money for it (1000 Finnish marks that he had lended from Levi earlier) in order to keep the portrait. So Repin was really in love with it ! Repin was also planning to show the painting on his upcoming exhibition."I also request to borrow the portrait of B.F. for my exhibition in Helsinki if you'll be owning it by that time", he wrote to Levi. (It shows how much it meant to him.)

In a letter to Levi he asks for 4500 marks for the portrait and says he can discuss it but will not change his price anyhow. Nevertheless, after they agreed on the price, Repin handed over the "Portrait of Beatrice Levi" to her husband.

About 2 years later in 1920 the economic situation and the food supplies were going to be exhausted for both the Repin family and the Levi family, and they were on the brink of starvation due to the Finnish civil war. The newly introduced Finnish mark became almost worthless and black markets were thriving.

REPIN URGES LEVI TO FINALLY SELL THE PORTRAIT

In this situation Repin, he writes in his memoirs, urge Levi to sell the portrait of his wife Beatrice, to make it possible for both of them to get money enough to support their families, buying food and other necessary things, and Levi agrees.

Nina, Vasili, Nathalie outside the house of Levi, Terijoki, in the 1920th
Нина, Василий и Натали у своего дома в Териюки, 20-е гг.

Vasili Levi about 50 years old
Василий Леви в возрасте ок. 50-ти лет

By occasion Levi meets with a wealthy Swedish businessman, Erik Minnberg, who has been doing businesses with both Russia and Finland for a long time. He had a great interest in art and paintings, and was very familiar with the name Ilya Repin

According to the current painting owner, in 1920 his grandfather came to Vasili Levi in order to buy some of Levi's own works. When he saw the "Portrait of Beatrice Levi", grandfather firmly announced that he either buys the portrait, or he buys nothing at all. They finally agreed about a large sum of money.

Vasili Levi comments this in his memoirs : He gave Repin a very large sum of money by which he could live on for over 2 years.

He also says he did not dare to tell Repin how much he actually got for the painting, but he and his family could live on it for several of years too.

In about 1950 Levi visited Erik Minnberg and said he wanted to "buy back his wife", but Minnberg said no.

Since then that magnificent portrait by Repin has been kept in the same family and after more than ninety years it is going to be introduced at the auction by Bukowskis in Stockholm.

The story of this painting has also a political dimension that spans over more than half a century Since World War II the Minnberg family received a letter from the Russian embassy in Stockholm every year after new year, asking for buying back the painting, this lasted until perestrojka in 1991.

Under the post-revolutionary years the Levis family moved around to Warsaw, Prague and Paris. During the political instability in Europe prior to the WWII the Jewish-Russian family moved from Paris to Sweden 1939 where they first came to Gävle, then later they settled down in Stockholm. Vasili Levi died 1954 while Beatrice lived until 1980.

P.S. The "Portrait of Beatrice Levi", being known since 1948 owing to a black-white illustration in a basic monograph devoted to Repin, has received the best reviews from the experts of Ilya Repin's painting. This text should have been written by Elena Vladimirovna Kirillina, one of the most recognizable specialists who has been working on studying Repin's art for many years. But unfortunately, she was unable to do that due to a serious illness. In 2008 when we first showed her the image of the portrait she was happy to know that it is at the same collection in Stockholm she knew about. And when a few weeks ago we brought her an issue of "Bukowski's Review" with "The Portrait of Beatrice Levi" on the cover, Elena Vladimirovna became sincerely delighted though at the same time quite sorry that she could not write about it. We wish E.V.Kirillina a prompt recovery.

/
Dr Elena Basner, St: Petersburg 2011

Erik and Selma Minnberg in the home, Berga Manor, Ununge in Roslagen about 1950

Эрик и Сельма Миннберг у себя дома. Усадьба Берга в районе Рослаген, ок. 1950 г.

Ingrid Sergenius (born Minnberg) 1930, Stockholm
Ингрид Миннберг (в замужестве Сергениус), 1930-е гг., Стокгольм

Jan Sergenius, Stockholm 2011
Ян Сергениус, Стокгольм 2011

Беатрис Леви, Петроград, 1910 г.

«СТРОЙНАЯ МУЗА В БЕЛОМ». ПОРТРЕТ БЕАТРИС ЛЕВИ КИСТИ ИЛЬИ РЕПИНА

Картина Ильи Ефимовича Репина «Портрет Беатрис Леви» является уникальным произведением, никогда прежде не экспонировавшимся, не покидавшим стен дома, где оно хранилось многие десятилетия, не появлявшимся на арт-рынке. Портрет был известен только по черно-белой репродукции в книге «Репин. Художественное наследство» (М., Л., 1948).

Портрет представляет собой романтический победный гимн самой жизни и безоговорочно может быть отнесен к одним из самых прекрасных портретов, выполненных Репиным.

В процессе подготовки этой публикации был обнаружен огромный пласт документов, фотографий, рукописей, относящийся к истории взаимоотношений Репина и Василия Леви (мужа изображенной), до сих пор не попадавший в поле внимания историков искусства и музейных сотрудников.

Таким образом, была обнаружена целая страница в истории послереволюционного периода жизни и творчества Репина, с его каждодневными проблемами и с его философскими вопросами, - страница, повествуемая собственными словами художника.

Мастерство Репина-портретиста признано безоговорочно, с самых первых его выступлений в этом жанре. Именно в области портрета ему удалось реализовать самые разнообразные качества своего художественного дарования: пронизательность — и эмоциональность, наблюдательность — и восторженность, подлинный глубокий психологизм — и бурный, взрывной темперамент. Жанр портрета оставался близок ему до самых последних лет жизни, и именно в портретах позднего периода отразились как противоречия и потрясения эпохи, раскалывающей-

ся на его глазах, так и собственные его внутренние борения. «Портрет Беатрис Леви», написанный летом 1918 года, относится к тем великолепным проявлениям творческого духа и мастерства Ильи Репина, которые оставались неподвластны ни возрасту художника, ни трагическим переменам, которые он наблюдал в окружающей его реальности.

Как правило, о позднем периоде творчества большинства великих мастеров принято говорить с неким оттенком сожаления по утрачиваемой энергии, убыванию перспективных творческих замыслов, отсутствию былой мощи. Такое отношение свойственно и современникам, и большинству последующих поколений историков. Поздняя живопись Репина в этом отношении сложнее каких-либо схем. Любые клишированные суждения об этом времени, как о времени его творческого упадка, кризиса, неожиданно оказываются несостоятельными, - стоит лишь оценить масштаб его деятельности, его работоспособности, его подвижнического ежедневного труда и, главное, - оценить поразительные и блистательные результаты всего этого. Он брался за воплощение художественных задач, постановка и решение которых требовали полной самоотдачи, концентрации авторской воли, колоссального живописного опыта. У исследователей творчества Репина порой возникает ощущение, что на рубеже 1910-х-1920-х годов, а подчас и позднее, художник стремился наверстать все, что ему казалось упущенным, растраченным, не доведенным до конца, стремился понять и постичь все то, от чего в прежние годы он так яростно открещивался и с чем так непримиримо боролся. Как мы убедимся, «Портрет Беатрис Леви» является превосходным образчиком именно та-

кого постижения живописных принципов, живописной стилистики, выразительность и притягательность которых открылась ему лишь в поздние годы жизни. И этому творческому обновлению, азарту, какому-то поистине юношескому энтузиазму, который ощутим в «Портрете Беатрис Леви», во многом способствовала та особая атмосфера, которую Репин сумел создать и поддерживать, несмотря на все житейские неурядицы и смуты, в своем окружении, в кругу единомышленников и друзей.

Жизненный уклад, который возник в репинской усадьбе «Пенаты» в небольшом финском поселке Куоккала (в честь одного из крупнейших русских художников в 1948 году переименованном в «Репино») и поддерживался как самим художником, так и многочисленными его обитателями, завсегдатаями, гостями, да и случайными посетителями, в полной мере стимулировал эту внутреннюю творческую неутоленность, иногда даже – неудовлетворенность, потребность в неутомимой кипучей деятельности. С одной стороны, художнику удалось создать в «Пенатах» свой собственный мир, сохранявший подлинный творческий дух, где ценились прежде всего талант, яркость и обаяние личности, артистизм. Эта атмосфера сохранялась в усадьбе и после того, как волею исторических событий 1917 года (революции, гражданской войны) «Пенаты» оказались оторванными от столичного, петербургского, мира и стали своего рода островком прежней культуры. В самом существовании этого прибежища писателей, художников, музыкантов было скрыто постоянное сопротивление окружающей реальности, когда вокруг все определеннее и жестче ощущались общая неустроенность, разруха, необратимая утрата прежних ценностей, неуверенность в завтрашнем дне. С другой стороны, Репину в эти послереволюционные годы приходилось постоянно думать о поддержании семьи – дочерей, сына и внуков, плохо приспособленных к самостоятельной жизни, привыкших полагаться на непреложную славу отца, на его громкое имя. Семейная и повседневная бытовая жизнь Репина складывалась далеко не идиллически, иногда семья находилась в буквальном смысле слова на грани голода и нищеты, и это понимали многие из тех, кому довелось достаточно близко об-

щаться с художником.

Василий Филиппович Леви (1878-1954) принадлежал к числу лиц, хорошо знавших Репина и понимавших его, – и его значение для отечественного искусства, и сложность той жизненной ситуации, в которой оказался стареющий художник, вынужденный постоянно опекать своих близких.

В поздние годы жизни Василий Леви написал пьесу, главными действующими лицами которой стали и сам Репин (выведенный под именем Ефим Григорьевич Громов), и его родные, а также и его ученик Валентин Серов, и знаменитый критик Стасов, и генерал Драгомиров (эти персонажи действуют в пьесе под собственными именами). Себя Леви представил в пьесе как «бывшего адвоката и коллекционера, устроителя и товарища Громова на выставках» по фамилии Коган.

Не давая здесь оценки литературным достоинствам пьесы, написанной, впрочем, в самых добротных традициях отечественной драматургии, заметим лишь, что передать атмосферу репинского дома (названного в пьесе «Атриум») ему удалось достаточно убедительно и реалистично. Репин-Громов в пьесе темпераментен и колоритен, страстно всем восхищается и тут же не менее страстно на все негодует, – это как раз перекликается с большинством дошедших до нас характеристик художника. В дочери Тате (Вере) подчеркнуты экзальтированность, капризность, избалованность. Сын Саша (Юрий) предстает изломанным, декадентствующим типом, доходящим едва ли не до юродства, – этот образ выписан и с иронией, и с гротеском, а к концу, неожиданно, и с искренним сочувствием к судьбе этого талантливого, но больного и ничемного создания.

В самом конце 4-го действия (5-е действие происходит уже у могилы Громова) в уста художника вложены горькие слова разочарования в тех, кто его окружает:

«ГРОМОВ /КОГАНУ/: Видали? Вот где мое банкротство. А вы говорите о моих «заветах». Конечно, искусство, страсти, великое утешение и дело. Но и мелочи жизни, семья, биология тоже предъявляют свои требования. Пренебрежение к этому мстит за себя, когда подводишь итог жизни». Похоже на то, что такие скорбные при-

знания Василию Леви действительно доводилось выслушивать от Репина.

Внимательный собеседник, свидетель его повседневных забот и тягот и, может быть, главное, - человек, способный отделить фигуру чуждаковатого, иногда эксцентричного старика, не всегда справедливого к друзьям и близким, от монументального образа одного из столпов русской реалистической школы живописи, Леви оставил после себя воспоминания, счастливо дошедшие до нас. Интересно, как он сам характеризовал свои взаимоотношения с великим мастером. В одной из глав Леви сообщает, что, будучи неоднократно в печати именуем учеником Репина, он собирался опровергнуть это, считая себя недостойным такого почетного титула. Кроме того, формально он никогда и не брал у Репина уроков живописи или рисования. «Узнав о моем намерении, - пишет в своих мемуарах Леви, - Репин как будто обиделся. - Что же, вам это не нравится? – спросил Илья Ефимович.

- Не то чтобы не нравится, но эта честь мною незаслуженная.

- Ну, пускай и называют. Ученик не тот, кто берет уроки, а тот, кто дышит одним воздухом, обменивается мыслями с более опытным художником.

Так я и остался «учеником Репина». А невежественная публика/.../, встречая наши имена постоянно рядом в печати, даже называла меня то «Репин», то «Репин-Леви». Да, «в борьбе с глупостью людской даже боги бессильны» - говорит латинская пословица.

Но все же я учился у Репина. И учился главным образом философии искусства. А она есть в искусстве, как во всех отраслях человеческой деятельности. Учился и философии жизни, мудрости. Учился и ремеслу живописи».

Василий Леви признавался, что буквально с юности, еще не будучи с ним знакомым, уже боготворил Репина, восхищался не только его живописным мастерством, которое для него было неоспоримо, но и гражданской позицией художника, отстаивавшего справедливость, честность, человеческое достоинство. Знакомство же их произошло лишь весной 1918 года, когда семья Леви, пережившая драматические революционные дни на даче в Финляндии, обосно-

валась в городке Териоки (ныне Зеленогорск). От репинской Куоккалы это было совсем недалеко, но дело заключалось в том, что Леви не знал не только, где Репин живет, но и жив ли он! Более того, к этому времени уже распространились слухи, что Репин умер от голода, и эта «новость» даже попала на страницы какого-то немецкого словаря... «Ах, как велико было мое отчаяние! – пишет Леви. – Я сразу упал духом. Но кто-то потом высмеял эти немецкие сказки и уверил меня, что недавно сам говорил с сыном Репина Юрием, что Репин жив-живехонек, но никуда из «Пенат» не выезжает. Тогда я быстро решил ехать в Куоккалу к Репину. Где он там жил, я не имел понятия и не мог получить указаний. И все же в одно прекрасное утро я объявил жене, что де «еду к Репину».

- Но куда?

- Сам не знаю. Куда-то в Куоккалу, где я никогда не бывал. Ну, да там видно будет.

И я пустился в путь, захватив с собой пару этюдов: голову тестя, писанную при лампе на Рождество, и «Розы» - первую работу, написанную с натуры и всерьез в подарок ко дню рождения жены в 1917 году».

Василий Леви подробнейшим образом описал и чудесный весенний день, когда он «весело и бодро шагал через поля, огороды, улицы и пролески, перескакивал через частоколы и канавы по пустынным дорогам Куоккалы, мимо полуразрушенных и ограбленных дач, не чувствуя гнета от царившей кругом мерзости запустения, ощущая только весну, слыша пение птиц, шум деревьев, любясь видами, которые выплывали перед глазами один прекраснее другого».

Его память бережно хранила всю жизнь малейшие детали его первого визита к Репину: и чудные, пестро расписанные ворота, на которых цветными дощечками было написано «Пенаты», и крыльцо в смешанном русском стиле, на котором висела надпись: «о своем приходе возвестите ударом в гонг», и сам гонг, в который он ударил, и национальный наряд финки, открывшей ему дверь. Запомнился большой запущенный парк с деревянными постройками, пруд недалеко от дома. «Все говорило о кипевшей здесь когда-то жизни, полной любви, фантазии и чувства красоты», - вспоминал Леви. И он признавался в охватившем его сказочном настрое-

нии, которым были овены и парк, и дом, и все «Пенаты»: «Они напоминали декорацию к сказке «Спящая царевна».

Наконец, пишет Леви, «меня ввели в низкую, сильно натопленную горенку... У стены стояло пианино. Там меня радушно встретил небольшого роста, бодрый, подвижный, сухонький старичок в седой живописной шевелюре и с седой нехоленой бородкой. Это и был Илья Репин, пленявший с детства мое воображение. На нем был странный костюм: вицмундир времен Александра Первого с высоким стоячим воротником, обшитый галунами и при орденах. Я опешил. Что за чудачество! Потом я узнал, что мундир этот был из реквизита для картины «Пушкин на экзамене в лицее» и предназначался для Державина. Репин его иногда «донашивал» в эти дни безвременья, как и некоторые другие чудные костюмы из богатого реквизита».

С самых первых мгновений Репин совершенно обаял своего нового знакомого – прежде всего тем, с каким неподдельным интересом отнесся к принесенным им живописным работам, как подробно расспрашивал о модели, о том, как стоял свет, за сколько сеансов был написан этюд и т.д.

Гость немедленно был приглашен к обеду и чаю на балконе. «Угощение состояло из тощего чая и пресных, плохо выпеченных булочек. Хозяйничать, как оказалось, было нечем. Как я узнал потом, денег в доме почти не осталось с тех пор, как закрыли границу. Все же угощение и чай показались мне вкусными, как никогда».

Вскоре состоялся и ответный визит Репина к Василию и Беатрис Леви в Териоки: «Приехал он довольно скоро и неожиданно, – вспоминает Леви. – И какой же была радость, когда о его приезде возвестили прибежавшие из сада дети, и вдали на дорожке нашего путанного и заросшего сада показалась сухая фигурка Репина в пальто-крылатке и в большой черной шляпе. И.Е. попал как раз к обеду и после тощих куокальских харчей он ему, несмотря на всю свою скромность, показался лукулловским пиршеством.

- Какой разносол и какая хозяйка! – рассыпался он в комплиментах».

Кулинарные способности Беатрис Федоровны Леви нередко выступали в качестве

одного из лейтмотивов их дальнейшего общения. Можно предположить, что Репину было чрезвычайно приятно оказаться в благополучной и, по тем непростым и голодным временам, в обеспеченной семье. Василий же Леви в тот первый вечер их общения испытал, по его собственным признаниям, подлинный восторг от бесед с художником, бывшим для него идеалом в течение стольких лет. Но, как писал он, «я тогда и не подозревал, какие большие последствия даст это посещение и как кардинально изменит не только мою жизнь и профессиональную деятельность, но и все мое мышление и духовную жизнь... Визит Репина был на сей раз недолгим. На вокзал он пожелал идти пешком, загодя, и до поезда мы долго сидели на перроне при заходящем солнце, разговаривая. Неприятность этой беседы (точно мы были равные, простые обыватели) давала какую-то особую теплоту, а расставаясь с И.Е. после неоднократных приглашений приезжать почаще и поскорей, я почувствовал, будто приобрел в первый раз в жизни друга, друга искреннего, бескорыстного, мудрого, с которым можно говорить как умеешь и почти обо всем; такого друга, каким, да простят мне честное признание, не мог быть даже родной отец. Это последнее заключение создалось у меня позднее. Память о нашем ожидании на вокзале жива во мне и сейчас, как память о возникновении первой дружбы с большим человеком». Так началось их тесное общение, продолжавшееся, как вспоминал Леви, одиннадцать лет.

С самого начала Леви был потрясен тем, что великий мастер был настолько одинок и беспомощен, что у него не было практически никаких средств. «В 1918 году, вскоре после знакомства с Репиным, – пишет в своих воспоминаниях Леви, – я узнал, что он действительно нуждался в деньгах. Мне очень польстило, когда он просто и бесцеремонно сообщил мне об этом и пожелал взять у меня займы небольшую сумму, кажется, 200 марок. Дальше я уже сам и жена стали ему предлагать в долг. Это привело к тому, что, когда долг дошел до 1000 марок (что по курсу составляло 1000 рублей, а по курсу доллара 143 доллара приблизительно), Илья Ефимович предложил мне писать портрет с моей жены, чтобы рассчитаться. Большой ра-

дости он не мог мне доставить. В моей коллекции, оставленной в России, у меня картин Репина еще не было. Расход казался мне пустяшным, т.к. у меня еще был серьезный резерв в фунтах и долларах. Цена портрета, еще не выясненная, меня не пугала, тем более, что я знал о том, что Репин не был корыстолюбив и назначает очень доступные, более того, чересчур низкие цены заказчикам-моделям, которые считает интересными. День, когда Репин пригласил письмом мою жену приехать на первый сеанс, был у меня днем большого торжества.

- Для Вас уже приготовлен трон-эшафот, - писал Репин в шутовом, полном комплементов, письме жене».

Бывает довольно часто, что в создании выдающихся произведений в жанре портрета участвуют двое – и автор, и модель. Как правило, это происходит, когда художник пишет человека выдающегося, незаурядного и/или очень ему дорогого. Здесь был, пожалуй, несколько другой случай. Идеей создания портрета Беатрисы Леви был прежде всего воодушевлен ее муж, Василий Филиппович, горячий и искренний почитатель Репина. Самой же Беатрисе Федоровне, которую муж называл «взрослым милым ребенком» (она была на 11 лет моложе своего мужа, правда, в 1918 году ей исполнился 31 год), было достаточно хлопот по дому, забот о детях. Не случайно, в их доме в Териоки, по признанию самого Леви, «царило невозмутимое спокойствие, точно ничего не произошло... И разлитое кругом благодушие передалось и мне, - пишет Леви. - В продуктах скоро появилось изобилие. Прекрасный дом, который я сам строил по своим рисункам, утопал в зелени, вблизи рокотал морской прилив, шла нормальная учеба у детей, а раз в неделю даже приходила целая гурьба эмигрантских ребятишек, и предприимчивый артист Шмаков руководил ритмическими танцами Далькроза. Никто бы не поверил, что в двадцати километрах кипел вулкан революции».

Репин был явно воодушевлен и возможностью писать молодую, привлекательную даму, и дружественным общением с семейством Леви, и – наверное, не в последнюю очередь! – перспективой несколько поправить свое материальное положение. Кроме того, общение с начинающим художником, чье восхищение и

даже поклонение он не мог не ощущать, но чьи художественные пристрастия, безусловно, принадлежали уже новому времени, должно было вызвать в Репине некоторый соревновательный импульс, стремление показать, что и ему доступна стилистика модернизма, с его пониманием цвета, линии, пространственных решений. Возможно, этим и были продиктованы те новаторские живописные принципы, которые применил Репин в «Портрете Беатрисы Леви». Они олицетворяют новый стиль живописи Репина и делают «Портрет» выдающимся произведением среди работ Репина.

Беатриса Федоровна же, по словам ее мужа, «тяготилась сеансами, так как Репин был очень нервен в минуты неудачи, забывал, что перед ним обыкновенная мать семейства, далекая от переживаний и мучений художника. Их она научилась понимать потом, - добавлял Леви, - когда я, ее муж, сам стал профессиональным художником». Тогда же Беатриса Федоровна жаловалась, что Репин «забывал, что перед ним живой человек, и заставлял ее все время стоять, держа без опоры цветы, топал ногами и кричал на нее при неудачах, обвиняя во всем ее».

Как-то, когда Беатриса Федоровна пропустила сеанс, ссылаясь на нездоровье, от художника пришло полушутливое письмо, очень живо передающее характер их общения:

«12 Авг\уста\ 1918 «Пенаты»

Дорогая Беатриса Федоровна,

И Ваше недомогание, и не состоявшийся сеанс, к которому я готовился, должны бы наполнить грустью мой ответ, но я только что отведал Вашей дивной булочки!... И кто это, и где это так божественно пекут у Вас?! Она была еще совсем теплая; а уж была, была – о, как давно мы не вкушали такого дивного хлеба! Как пропечен – чудо, чудо! Но может быть, Вы нездоровы настолько, что Вас возмутит приплясывающий от восторга старичок – булочки вкусил? Простите, простите, не мог утерпеть.

Я оделил по кусочку всех своих соголодников. /.../

Раньше понедельника не располагаю днями. Следовательно\ 20 Авг\уста\ буду ждать опять, сидя за самоваром в светлой киоске и глядя на аллею, откуда появлялась обыкновенно стройная муза в белом с изумрудной накидкой».

Предполагалось, что и Василий Леви будет присутствовать на первых сеансах, но из-за болезни, которая вынудила Василия Леви отправиться в Петроград, в Елисаветинскую больницу (в случаях чрезвычайных отдельным людям переход границы не был еще запрещен), этого не произошло.

Временное отсутствие Василия Леви предоставило Репину возможность в полной мере выразить свою влюбленность в объект его творения, его чувство к ней – молодой женщине в зените ее красоты.

Репин был известен тем, что он влюблялся в свои модели, особенно в молодых дам. Эта черта ярко выражена в «Портрете Беатрис Леви», который мог бы быть написан тем, кто влюблен в нее.

По возвращении в Териоки Василий Леви с великим энтузиазмом описал первый, после выздоровления, визит к Репину и впечатление от еще не законченного портрета.

«Репин встретил меня, как всегда, радушно, и сразу повел в столовую, где на одной из этажерок стоял холст (или, вернее, линолеум) с портретом моей жены. Прописано было только лицо, рельефно выделяющееся на красном фоне оборотной стороны линолеума. Я был в восторге от портрета. Было сходство, телность, а главное – чрезвычайно живые краски, пластичная лепка и много движения в повороте головы».

О том, почему в качестве основы портрета был взят линолеум, мы знаем не только со слов Леви, но и со слов самого Репина. Леви неоднократно советовался с Репиным по поводу подбора красок, пользования лаками. Однажды зашел у них разговор и о выборе холста, и Леви упомянул, что покупал в Петербурге, на Васильевском острове, в специальной лавке особый «репинский холст». Ответ Репина заслуживает быть приведенными полностью, поскольку имеют прямое отношение к созданию «Портрета Беатрис Леви».

« - Ох! Да я почти никогда на нем не писал. И чего это выдумали: «репинский». Не все ли равно, на чем писать! Все равно после второй-третьей переписки даже под первым сильным слоем красок холст исчезает и не играет никакой роли. Вот я пишу на линолеуме со времен

войны. Чудесный материал и прочный. Подумайте, годами на полу лежит, люди по нем ходят, а он выдерживает».

Вряд ли Репин был до конца искренен, когда настаивал на достоинствах линолеума в качестве основы живописного произведения. Просто в это время он действительно был вынужден пользоваться тем, что было доступно. Но именно на линолеуме ко времени написания «Портрета Беатрис Леви» был уже создан «Дезертир» (1917, Витебский художественный музей), а позднее, уже в 1927 году – «Гопак». Тот же узор линолеума, что и на оборотной стороне портрета, мы видим и в других работах Репина. Однако в «Портрете Беатрис Леви» насыщенный красновато-коричневый цвет основы, оборотной стороны линолеума, стал, безусловно, одним из компонентов образного решения портрета.

Возможно, что именно этот яркий сквозной тон подсказал Репину блестящую идею – использовать в качестве фона портрета его собственный большой этюд к знаменитому полотну «Торжественное заседание Государственного Совета в день его столетнего юбилея», над которым Репин с учениками работал с 1901 по 1903 годы. Пространство портрета сразу же обрело подлинную монументальность, величественность, оттеняя хрупкую красоту молодой и обаятельной женщины. Репин в очередной раз соединяет здесь антураж парадного портрета, - правда, на сей раз переданного как бы опосредованно, в его «цитатном» виде, - с чрезвычайно живым, непосредственным образом позирующей.

Полная энергии и какой-то внутренней радости женщина, с яркой, запоминающейся внешностью, стремительно повернулась в профиль ко зрителю. Недаром этот профильный ракурс во все времена считался наиболее экспрессивным, наиболее выразительным и запоминающимся. Во всей ее осанке, подчеркнутой ритмом белых колонн, гордой постановке головы, живом, открытом выражении лица есть что-то порывистое, жизнеутверждающее, победительное! Сверкающий взгляд и прелестная улыбка притягивают к себе внимание зрителя прежде, чем он различит вполне узнаваемые детали фона (Зал Госсовета в Мариинском

дворце!) и мощную гирлянду живых цветов, которую дама придерживает обеими руками. Гирлянде, в которую вплетены и розы, и тигровые лилии, вторит ярко-пурпурный цветок на белом платье, одновременно переключаясь по цвету с торжественной обивкой дворцовых кресел и драпировок.

Репину удалось создать удивительно радостный, светлый образ, тем более, может быть впечатляющий, если помнить о дате его создания, проставленной тут же, слева: 1918. Портрет звучит как символ утверждения красоты и женственности, торжествующих вопреки страшным потрясениям окружающего мира, охваченного братоубийственной войной!

Работа над портретом длилась все лето 1918 года и продолжалась на протяжении нескольких месяцев. В одном из писем, адресованных Василию Леви, Репин признавался: «Для меня эта работа оказалась очень многодельной – я ухлопал почти все лето. Главное, нельзя не принять в расчет моих поздних дней...» Более того, из некоторых строчек можно заключить, что он расставался с портретом неохотно и даже предлагал Леви деньги (1000 финских марок) с тем, чтобы портрет остался у него. Таким образом, Репин действительно полюбил свое творение! Планировал Репин и продемонстрировать его на планируемой выставке: «Еще просьба в будущем, - писал он Леви, - если портрет Б.Ф. будет уже Ваш, дать его на мою выставку в Гельсингфорс». (Это показывает, как много данный портрет значил для художника.) В одном из писем он назначает Леви за портрет 4500 марок, и, соглашаясь обсудить этот момент, заявляет, что менять эту цену не намерен.

Тем не менее, после окончательных переговоров относительно цены, Репин передал «Портрет Беатрисы Леви» ее мужу.

Двумя годами спустя, в 1920-м, из-за тяжелой экономической ситуации запасы продовольствия были истощены как у Репиных, так и у Леви. Обе семьи оказались на грани голода из-за разгоревшейся гражданской войны в Финляндии. Недавно введенная в оборот финская марка практически обесценилась, и в стране процветал черный рынок.

В своих мемуарах Репин описывает, как он в этой ситуации убеждает Леви продать пор-

трет своей жены Беатрис, чтобы на вырученные деньги им обоим получить возможность какое-то время содержать свои семьи, приобретая продукты питания и другие необходимые в быту вещи, на что Леви соглашается.

По воле случая, Леви встречается с состоятельным шведским бизнесменом Эриком Миннбергом, который в течение долгого времени имел деловые связи как с Россией, так и с Финляндией. Миннберг в большой мере интересовался искусством и живописью, и имя Ильи Репина было ему очень хорошо известно. Со слов нынешнего владельца картины мы знаем, что его дед в 1920 году приехал к Василию Леви, чтобы купить какие-нибудь его собственные работы, однако, увидев «Портрет Беатрисы Леви», заявил категорически, что либо купит именно его, либо не возьмет ничего! В конце концов они договорились о цене, - и это была значительная сумма денег.

Василий Леви упоминает об этом в своих мемуарах. Он выделил Репину очень большую сумму, на которую тот смог содержать себя и свою семью в течении двух лет. Он также упомянул, что не осмелился назвать Репину подлинную стоимость портрета, но что сам Леви и его семья смогли прожить на эти деньги тоже около двух лет.

Приблизительно в 1950 г. Леви посетил Эрика Миннберга с намерением «выкупить свою жену обратно», на что Миннберг ответил отказом. С тех пор этот великолепный портрет Репина хранился в той же семье и спустя более девяносто лет будет представлен на аукционе Bukowskis в Стокгольме.

История этого портрета имеет отчасти и политический аспект, продлившийся более полувека. Раз в год с окончания Второй Мировой войны к семье Миннбергов приходили письма от российского посольства в Стокгольме с просьбой приобрести портрет. Это продолжалось каждый год вплоть до перестройки в 1991 г.

В послереволюционные годы семья Леви переезжала в Варшаву, Прагу, Париж. Из-за политической нестабильности в Европе перед самой Второй Мировой войной эта русско-еврейская семья обосновалась в Швеции и поселилась в городе Gävle. Василий Леви умер в 1954 году,

тогда как Беатриса Леви дожила до 1980.

В 1945 году В.Ф.Леви передал Центральному литературному музею в Москве письма Репина и свои воспоминания, связанные, главным образом, с периодом тесного общения с художником и его семьей, - как делового, так и дружеского.

P.S. «Портрет Беатрисы Леви», известный до недавних пор по черно-белой иллюстрации в монографии 1948 года, посвященной творчеству Репина, снискал самые высокие оценки специалистов по живописи И.Е.Репина. Текст этой брошюры должна была писать Елена Владимировна Кириллина, замечательный многолетний исследователь творчества Репина, и только тяжелая болезнь не позволила ей этого. В 2008 году ей показали снимки этого портрета, который она и до этого прекрасно знала, и Елена Владимировна была чрезвычайно рада узнать, что портрет по-прежнему находится и в той же коллекции в Стокгольме. Когда же ей привезли "Bukowski's Review" с воспроизведением "Портрета Беатрисы Леви" на обложке, Елена Владимировна выразила искренний восторг и вместе с тем сожаление, что ей не удалось написать самой об этом произведении. Мы желаем г-же Е.В.Кириллиной скорейшего выздоровления.

BIOGRAPHY

1844	July 24 - born in Chuguev, near Kharkov (Ukraine), in a family of a military colonist Efim Repin and his wife, Tatiana (née Bocharova).		Pirogov, Anton Rubinstein and others. Began working on the paintings "Refusal of the Confession" (1879-1885) and "Arrest of a Propagandist" (1880-1892)
1854-57	-studied technical drawing at the school for military topographers in Chuguev.	1880	- made acquaintance with Lev Tolstoj.
1857	- studied as an apprentice to the icon painter Bunakov.	1882	- moved to St. Petersburg.
1858-63	- painted icons and frescoes in the churches of Chuguev.	1883	- travelled around Germany, Holland, France, Spain, Italy with the critic Vladimir Stasov. Began working on "Unexpected Return" and "Ioann the Terrible".
1863	- left for St.-Petersburg to enter the Academy of Fine Arts. Began his studies at the drawing school at the Society of Encouragement of Artists.	1885	- completed the painting "Ioann the Terrible and his son Ioann on November 16th 1581". The work was forbidden for exhibition by the Tzar Alexandre III.
1864	- entered the Academy of Fine Arts. Made acquaintance with Ivan Kramskoy, Vasily Polenov, Konstantin Savitsky and others.	1886	- visit to the Crimea together with Arkhip Kuindzhi.
1864-71	- studied at the Academy with Alexey Markov, then with Pavel Chistjakov, attended the drawing evenings at the Artists' Association in St.-Petersburg.	1887	- travelled around Germany and Italy. Visited Lev Tolstoj at his estate Jasnaja Poljana. Began working on a large series of portraits of Tolstoj and members of his family (paintings and graphics). Withdrew from the Itinerants Society due to his disagreement with the Society's position regarding the rights of young exhibiting artists.
1870	- made sketches for the painting "Barge Haulers on the Volga" during his trip along the Volga river.	1890	- travelled down the Volga river to the Crimea and Ukraine.
1871	- was awarded the first prize for the "Barge Haulers on the Volga" by the Society of Encouragement of Artists. Received the Grand Golden medal for the "Raising of Jairus' Daughter", his diploma work at the Academy of Fine Arts.	1891	- one-man show in St.-Petersburg and in Moscow (1892). Accomplished the painting "The Reply of the Zaporozhian Cossacks to Sultan Mahmoud IV".
1872	- married Vera Shevtsova.	1892	- began teaching at the painting workshop at the Academy of Fine Arts where he was also awarded the title of Professor of Painting. Bought the estate Zdravnevo near Vitebsk where he made many open air sketches.
1873-76	- retirement abroad. Travelled to Wien, Rome, Napoli, Pompei, lived in Paris and in Normandy. Worked on the paintings "Sadko" and "Café in Paris". In Paris got acquainted with Savva Mamontov.	1893 - 94	- travelled around Europe.
1875	- "Café in Paris" was shown at the Salon exhibition in Paris.	1895	- worked on the paintings "Duel" and "Come along me, Satan".
1876	- returned to St. Petersburg, Russia.	1895 - 99	- taught at the art studio of Maria Tenisheva.
1877	- moved to Moscow after visiting Chuguev.	1896	- travelled to Palestine.
1876-1880	- painted peasants' portraits, "Protodeacon" as well as "Tzarevna Sofia".	1897	- rejoined the Itinerants Society.
1878	- became a member of the Itinerants Society.	1899	- participated at the 1st exhibition of the "World of Art" group, then declared his disagreement with the group's principles. Bought the estate "Penaty" in Kuokkala (Finland).
1879	- Valentin Serov became Repin's apprentice. Together with Serov travelled to Ukraine and the South of Russia. Began working on the famous paintings "Zaporozhian Cossacks" and "Krestny Khod ("Religious Procession") in Kursk Gubernia.	1901 - 03	- worked on the painting "The Formal Session of the State Council on May 7, 1901, in honor of the 100th Anniversary of Its Founding".
1879-1882	- spent summertime at Mamontov's estate "Abramtsevo" together with other artists. Painted portraits of Alexey Pisemsky, Modest Musorgsky, Nikolay	1903	- moved to Kuokkala.

- 1904** - was elected honorary member of the Moscow Literary-Artistic Society together with Anton Chekhov, Vissarion Korolenko, Vladimir Stasov. At "Penaty", Wednesday was established as a guest-day.
- 1905** - travelled to Italy with Natalia Nordman.
- 1907** - left the Academy of Fine Arts. Visited Jasnaja Poljana, Chuguev, the Crimea.
- 1910** - published a couple of articles with the sharp critics of the new art trends.
- 1911** - travelled to Rome for the World Exhibition of Art. Wrote the memoirs about Lev Tolstoj.
- 1912** - travelled to Helsinki together with Kornej Chukovsky and Isaak Brodsky.
- 1913** - Repin's painting "Ioann the Terrible" was damaged by Abram Balashov, and the artist worked on its restoration together with the artist Igor Grabar.
- 1914** - became an honorary member of the Finnish Society of Artists. Repin's second wife Natalia Nordman died in Switzerland in June.
- 1917** - greeted the declaration of the Russian republic in March. November 24th - the celebration of Repin's 45-year artistic activity in Petrograd.
- 1918** - the border between Russia and Finland was closed. "Penaty" had become isolated from the outer world. Vasili Levi visited Repin at the "Penaty" for the first time. In summer Repin painted the portrait of his wife, Beatrice Levi.
- 1919** - worked on the paintings "Krestny Khod (Religious Procession) in an Oak Forest", "Gaidamacks", "Black Sea Outlaws", "Pushkin on the Neva embankment".
- 1922** - travelled to Helsinki, the capital of Finland. Repin's daughter Vera moved to the "Penaty" from Petrograd in April.
- 1924** - one-man show in Prague. His retrospective exhibition in Moscow and in Leningrad (1925) devoted to the artist's 80th anniversary.
- 1926** - a delegation of the Soviet artists led by Repin's disciple Brodsky came to the "Penaty" to invite Repin to return to the Soviet Union. Worked on the painting "Hopak" devoted to the memory of Modest Musorgsky.
- 1929** - Repin's paintings were exhibited in Finland, Sweden, France, the USA, and the Check Republic.
- 1930** died on September 29th, buried in the park of the "Penaty" according to his last will.

Ilya Repin, self portrait.

- ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ РЕПИН
СОБЫТИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
1844, 24 июля (по старому стилю) - родился в городе Чугуеве Харьковской губернии, в семье военного поселенца Ефима Васильевича Репина и его жены Татьяны Степановны, урожденной Бочаровой.
- 1854 - 57** учится черчению и рисованию в школе военных топографов в Чугуеве.
- 1857** - поступает в ученики к чугуевскому иконописцу И.М. Бунакову.
- 1858 - 63** - выполняет иконы и росписи церквей в Чугуеве и его окрестностях.
- 1863** - едет в Петербург для поступления в Академию художеств. Начало занятий в рисовальной школе Общества поощрения художников (ОПХ).
- 1864** - принят вольнослушателем, а затем учеником в Академию художеств. Знакомство с И.Н. Крамским, В.Д. Поленовым, К.А. Савицким.
- 1864 - 1871** - Учился в Академии художеств у А.Т. Маркова, позже П.П. Чистякова, посещал рисовальные вечера С.-Петербургской артели художников.
- 1870** - поездка по Волге. Этюды к Бурлакам.
- 1871** - первая премия ОПХ за картину Бурлаки на Волге. Большая золотая медаль Академии художеств за картину Воскрешение дочери Иаира.
- 1872** - женитьба на В.А. Шевцовой.
- 1873 - 76** - заграничное пенсионерство. Путешествие: Вена, Рим, Неаполь, Помпеи, живет в Париже и в Нормандии. Работает над картинами "Садко" и "Парижское кафе". В Париже знакомится с С.И. Мамонтовым.
- 1875** - На выставке Салона в Париже экспонировалась картина "Парижское кафе".
- 1876** - возвращение в Россию, в Петербург.
- 1876 - 1880** - В Чугуеве пишет "Мужика с дурным глазом", "Мужичка из робких", "Протодьякона"; в Москве - "Царевну Софью".
- 1877** - поездка в Чугуев. Переезд на жительство в Москву.
- 1878** - принят в члены ТПХВ.
- 1879** - У Репина начинает учиться В.А. Серов. С В.А.Серовым путешествует по Украине и югу России. Начало работы над знаменитыми картинами "Запорожцами" и "Крестным ходом".
- 1879 - 1882** - Летом жил с семьей в Абрамцеве, имении С.И. Мамонтова. Исполнил портреты А.Ф. Писемского (1880), М.П. Мусоргского(1881), Н.И. Пирогова (1881), А.Г. Рубинштейна (1881) и другие. Начал картины "Отказ от исповеди" (1879-1885) и "Арест пропагандиста" (1880-1892).
- 1880** - Рождение дочери Татьяны. Знакомство с великим русским писателем Л.Н. Толстым.
- 1882** - переезд в Петербург.
- 1883** - путешествие по Германии, Голландии, Франции, Испании, Италии с В.В. Стасовым. Работа над "Не ждали" и "Иваном Грозным".
- 1885** - Завершил картину "Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года". Распоряжением Александра III экспонирование картины "Иван Грозный и сын его Иван" запрещено.
- 1886** - поездка в Крым с Архипом Ивановичем Куинджи.
- 1887** - поездка по Германии и Италии. Гостит у Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Выходит из ТПХВ, выражая несогласие позицией правления по отношению к правам молодых художников-экспонентов.
- 1890** - поездка по Волге, Крыму и Украине.
- 1891** - персональная выставка в Петербурге и затем (в 1892) в Москве. Закончил картину "Запорожцы".
- 1892** - руководит живописной мастерской Академии художеств. Получил звание профессора Академии художеств. Приобрел имение Здравнево в Витебской губернии на берегу Западной Двины, где исполнил много пленэрных работ.
- 1893 - 94** - путешествие по Европе.
- 1895** - Работает над картинами "Дуэль" и "Иди за мною, Сатано!".
- 1895 - 99** преподает в студии М.К. Тенишевой.
- 1896** - поездка на пароходе в Палестину.
- 1897** - вновь вступил в ТПХВ.

- 1899** - участвует в I-й выставке «Мира искусства», но объявляет о своих разногласиях с этим объединением. Покупает усадьбу «Пенаты» в Куоккале на территории Финляндии.
- 1901-1903** - Работал над картиной «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения» (ГРМ).
- 1903** - переезжает в Куоккалу.
- 1904** - В апреле вместе с А.П. Чеховым, В.Г. Короленко, В.В. Стасовым избран почетным членом Московского литературно-художественного общества. В июле в «Пенаты» вновь приезжают знаменитые гости - Валентин Серов, М. Горький, Б.В. Асафьев; для гостей учреждается приемный день - среда.
- 1905** - поездка в Италию с Н.Б. Нордман.
- 1907** - Окончательно оставляет преподавание в Академии Художеств. Поездка в Ясную Поляну, Чугуев, Крым.
- 1910** - Публикует статьи «Салон Издебского» и «В аду Пифона» с критикой новейшего искусства.
- 1911** - поездка в Рим на Всемирную художественную выставку. Пишет воспоминания о Л.Н. Толстом.
- 1912** - поездка в Хельсинки с К.И. Чуковским и И.И. Бродским.
- 1913** - В январе приезжал в Москву в связи с покушением на картину «Иван Грозный» (картина была изрезана душевнобольным А. Балашовым); работал над ее восстановлением в залах Третьяковской галереи совместно с художником, критиком и реставратором Игорем Грабарем.
- 1914** - избран почетным членом Финляндского общества художников. Поездка в Швейцарию, где в июне умерла Н.Б. Нордман, его вторая жена.
- 1917** - приветствует провозглашение России республикой. 24 ноября - чествование 45-летия художественной деятельности в Петрограде.
- 1918** - закрыта граница с Финляндией. Усадьба «Пенаты» отрезана от внешнего мира и от России. Василий Леви впервые посещает Репина в Пенатах. Летом Репин пишет портрет его жены, Беатрисы Леви.
- 1919** - Возвращение к работе над картинами «Крестный ход в дубовом лесу», «Гайдамаки», «Черноморская вольница», «Пушкин на набережной Невы».
- 1922** - поездка в Хельсинки, столицу Финляндии.
- 1922** - Избран почетным членом Финляндского художественного общества в связи с даром в 1919 обществу семи своих произведений и ряда принадлежавших ему картин русских художников. В апреле 1922 в «Пенаты» из Петрограда переселилась старшая дочь Репина - Вера Ильинична.
- 1924** - выставка работ в Праге. Персональная выставка к 80-летию художника в Москве и затем (в 1925) в Ленинграде.
- 1926** - в «Пенаты» приезжает делегация советских художников во главе с И.И. Бродским. Репина приглашают вернуться в Советский Союз.
- 1929** - Произведения Репина экспонировались в Финляндии, Швеции, Франции, США, Чехии. В 1926 начал работать над картиной «Гопак», посвящая ее памяти М.П. Мусоргского.
- 1930,** 29 сентября - Репин скончался. Похоронен в «Пенатах» (Финляндия), согласно своему завещанию.

ILYA REPIN "PORTRAIT OF MRS BEATRICE LEVI" FOR SALE AT BUKOWSKIS, 6TH DECEMBER 2011

FOR INFORMATION PLEASE CONTACT:

ANNA-KARIN PUSIC, PHONE: +46 (0)8 614 08 32, E-MAIL: ANNA-KARIN.PUSIC@BUKOWSKIS.COM

DR ELENA BASNER, PHONE: +358 45 124 66 89 (FINLAND), E-MAIL: LENA.BASNER@GMAIL.COM,
ELENA.BASNER@BUKOWSKIS.COM

LISA GARTZ, PHONE: +46 (0)8 614 08 59, E-MAIL: LISA.GARTZ@BUKOWSKIS.COM

BUKOWSKIS. ARSENALSGATAN 4, SE-111 87 STOCKHOLM, SWEDEN. + 46 (0)8 614 08 00.

WWW.BUKOWSKIS.COM

ИЛЬЯ РЕПИН «ПОРТРЕТ Г-ЖИ БЕАТРИС ЛЕВИ» ВЫСТАВЛЯЕТСЯ НА ТОРГИ АУКЦИОННЫМ ДОМОМ BUKOWSKIS 6 ДЕКАБРЯ 2011 Г.

ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАЩАЙТЕСЬ:

АННА-КАРИН ПУСИЧ, ТЕЛ. +46 (0)8 614 08 32, E-MAIL: ANNA-KARIN.PUSIC@BUKOWSKIS.COM

Д-Р ЕЛЕНА БАСНЕР, ТЕЛ. +35 8 45 124 66 89 (ФИНЛЯНДИЯ), E-MAIL: ELENA.BASNER@BUKOWSKIS.COM

ЛИЗА ГАРТЦ, ТЕЛ. +46 (0)8 614 08 59

E-MAIL: LISA.GARTZ@BUKOWSKIS.COM, BUKOWSKIS. ARSENALSGATAN 4, SE-111 87 СТОКГОЛЬМ, ШВЕЦИЯ.

+ 46 (0)8 614 08 00. WWW.BUKOWSKIS.COM